PG 3450
.A1 M5

THE LIBRARY OF CONGRESS

МИЛАНА

РУССКАЯ БАЛЛАДА

ИЛИ

СТАРЫЯ ПОГУДКИ НА НОВЫЙ ЛАДЪ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА КРАЙЯ.

1834

PG 3450
.A1 M5

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три Экземпляра С. Петербургъ 17 Ноября 1834.

Цензоръ В. Семеновъ.

АНТИКВАРНАЯ
КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ
В. КЛОЧКОВА.
Спб., Литейный, 55.

Пр. Ам. 25

МИЛАНА.

Такъ на свѣтѣ все превратно, сказалъ нѣкто, и дабы увѣковѣчить сіе замысловатое свое изрѣченіе, нарисовалъ преузарочную картину, въ которой всѣ дѣйствующія лица поставлены вверхъ ногами; сіе неестественное положеніе понравилось многимъ; и отъ того, вѣроятно, весьма многое дѣлается теперь вверхъ ногами, что дѣлывалось прежде вверхъ головою: и азъ, грѣшный, попался въ сіе положеніе,... такъ... невзначай,... я вздумалъ слѣдовать родительскому наставленію, быть всегда человѣкомъ честнымъ, вѣрнымъ присягѣ, защитникомъ беззащитныхъ, и въ томъ числѣ казеннаго интереса: то есть, быть совершенно благороднымъ человѣкомъ, въ томъ смыслѣ, какъ слово сіе принималось тогда, когда всѣ шествовали вверхъ головами: но такія глупости весьма не понравились нѣко-

шорымъ просвѣщеннымъ Антиподамъ: мнѣ дали сильный толчекъ; голова моя, отягченная вышеприведенными старомодными бреднями, перекувыркнулась въ низъ, симъ внезапнымъ, насильственнымъ движеніемъ, ноги поднялись вверхъ, я занялъ мое мѣсто въ преузарочной картинѣ; что по старости лѣтъ гораздо для меня трудноваго; многое изъ того, что я кровавымъ по́томъ успѣлъ собрать для содержанія моего семейства, уже́ чрезъ то повысыпалось изъ моихъ кармановъ; не знаю даже, какъ удержать остальное; потому что по непривычности къ такому положенію, я не могу придерживать карманы моими руками, которыми я долженъ упереться о землю, дабы удобнѣе сохранить равновѣсіе всего тѣла. — но это дѣло постороннее, не важное, очень обыкновенное, когда Антиподы руководствуются познаніемъ *чужаго* добра и *своего* зла? !.. Дѣло въ томъ, что я, добравшись лишь въ зрѣлыхъ лѣтахъ до русской грамоты, кое какъ, ощупью, самоучкою, вздумалъ на старости лѣтъ писать русскіе стихи! .. Въ прозѣ какой-то Тьёска мой, человѣчикъ впрочемъ незавидной, съ коротенкою душенькою, но съ длинными пальцами, съ толстою, жадною женою, и съ пароходнымъ духомъ, поневолѣ принудилъ меня упражняться; а какъ я до-

вольно переимчивъ, что говорятъ, что я такъ хорошо успѣлъ, что даже проза моя заставила его прыгать въ тактъ безъ музыки? — но и это дѣло постороннее; да и Тѣёска мой ужѐ, какъ ракъ морской, шествуетъ бокомъ, и зарывается въ песокъ задомъ: счастливая ему дорога; а я опять доберусь до несчастныхъ моихъ стиховъ: — въ этомъ, безовсякаго умысла, виноватъ почтенный нашъ краснорѣчецъ Г. Жуковскій: да проститъ онъ великодушно Профана, осмѣлившагося заглянуть въ его цвѣтникъ: однакожъ въ этомъ виноватъ не я, но Антиподы, которые опрокинули меня ногами вверхъ, отъ чего голова вся пришла въ такое положеніе, что могла проглядывать подъ чужими заборами; и что́же оставалось мнѣ болѣе дѣлать, отъ скуки долговременной разлуки съ милымъ моимъ семействомъ, отъ котораго оттолкнули меня Антиподы, какъ не разсматривать чужіе цвѣты, когда мои собственные остались отъ меня за тридевять земель?.. вотъ я взглянулъ на Людмилу; цвѣтокъ хорошенькій; но какъ на свѣтѣ ничего нѣтъ совершеннаго; что даже первая красавица имѣетъ свои недостатки, то и Людмила не избѣгла общей участи всего земнаго; ее критиковали; это тоже участь общая; за это и гнѣваться не должно: кри-

шика, разумѣется благонамѣренная, основательная критика, есть волчій зубъ, изъятый уже изъ челюсти яростнаго звѣря, и оправленный въ красивую рукоятку, которымъ полируются изящныя наши издѣлія: а на злую, на безтолковую критику, весь ощвѣтъ:» Собака лаетъ, вѣтеръ носитъ!» — На Людмилу появились критики и антикритики: — Творецъ оной, внявъ мнѣнію критическаго Комитета, сотворилъ еще Ленору, въ подкрѣпленіе милой ея сестрички; и Ленора подверглась общей участи всего подлуннаго Царства — недостаткамъ и критикѣ. — Вотъ и мнѣ вздумалось написать свою Милану: по нѣмецки маракуя такъ изрядно, я вникнулъ хорошенько въ планъ Бюргеровой Леноры; а какъ по милости залѣтнаго Тьёски я немножко усовершенствовался въ русскомъ языкѣ, то, какъ говорится, перекрестясь да въ воду, я написалъ свою Балладу — Милана — перенося дѣйствіе въ родимую ея отчизну; разсуждая въ простотѣ моей: бумага терпитъ, почемужъ и мнѣ не написать, когда нынѣ насталъ такой бумага-марательный вѣкъ, что всѣ пишутъ и грамотные, и не грамотные?» — написалъ, да и правъ! — вѣдь такъ пріятно, быть Творцемъ чего нибудь? хотя бъ и дурныхъ стиховъ? — Почтенные члены

высокопочтенной публики, всѣ умѣющіе читать, читайте и зѣвайте! все это будетъ по модѣ? — кому придетъ охота, критикуй; я и на это готовъ; и ни сердиться, ни отвѣчать не стану; сохрани меня Богъ, чтобы я захотѣлъ мѣшать чужому удовольствію; только, пожалуйте, пощадите Авторское самолюбіе, не браните въ глаза; а за глаза, сколько угодно; ибо заочная брань не есть брань, какъ изрекла незабвенная Екатерина II, утвердивъ сіе премудрое изрѣченіе законнымъ постановленіемъ: — и мое дитя не можетъ быть безъ недостатковъ, ибо оно твореніе смертнаго, и слѣдовательно подлежитъ критикѣ; я и самъ знаю его недостатки, и не поправляю ихъ; не потому, чтобы предоставить другимъ удовольствіе ихъ критиковать: нѣтъ, скажу откровенно: потому что не умѣю ихъ поправить: и слѣдовательно съ должною признательностію прійму наставленія добросовѣстнаго учителя. — Старинная поговорочка гласила — кто лучше знаетъ, тому и книги въ руки; а по новой методѣ, вмѣсто слова *книги* ставится *перо*; и потому, кто лучше знаетъ, тотъ пусть по лучше и напишетъ. — Ахъ! Тьёска! Тьёска! зачемъ не легкое тебя дернуло, принудить меня, усовершенствоваться въ природномъ твоемъ языкѣ!

никогда бъ я не дерзнулъ пуститься въ страшную пучину стихокропательства! но дѣло сдѣлано; съ сокрушеннымъ сердцемъ каюсь въ томъ предо всей читающей публикой, и клянусь самими Антиподами, что никогда впредь не пущусь въ подобное безумство, какъ скоро приговоръ *законныхъ* собратовъ моихъ обратитъ меня опять въ прежнее естественное мое положеніе, и отправитъ Антиподовъ моихъ — къ Антиподамъ? — Аминь! — а покамѣсть читайте и судите! —

Б. Александръ Б.

МИЛАНА.

ВОЛЬНЫЙ ПЕРЕВОДЪ БЮРГЕРОВОЙ ЛЕНОРЫ.

Милана, воспрянувъ отъ тяжкаго сна,
Воспомнивъ о миломъ, вздохнула!
Полкамъ ли измѣнникъ, мечтала она,
Иль смерть его очи сомкнула?
Съ Дружиною Царской пошелъ онъ войной
На Князя Липовска, Ягеллу;
И вѣсточки не далъ съ тѣхъ поръ ни какой;
Не вспомнилъ свою онъ Милану!

Царь Русской съ Ягеллой, наскучивъ борьбой,
Смягчили враждебную думу;
Окончили брань, и счастливой порой
Владыки склонилися къ миру:
И полчища ратныхъ, съ весельемъ въ душѣ,
Обратно пустились въ отчизну;
Отправивши прежде на чуждой землѣ
По падшимъ товарищамъ тризну

Лавровыя вѣшки на шлемахъ гласятъ:
«Побѣда намъ вѣрная доля! —
«Но мечи булатны врага не разятъ;
«Священна намъ Царская воля!» —
Приблизился къ родинѣ ратниковъ строй;
Звукъ трубный въ дали уже заслышанъ;
И съ шумными пѣснями ѣдутъ домой: —
Гласъ милыхъ домашныхъ услышанъ! —

И всюду, горя нетерпѣньемъ живымъ,
Родные родимыхъ встрѣчаютъ;
Ведутъ ихъ съ восторгомъ въ ошеческій дымъ;
Ликуя, другъ друга лобзаютъ:
Творца милосердаго благодаряtъ
Родные всѣ единодушно;
Невѣстъ миловидныхъ ланиты горятъ,
Привѣтствуя милыхъ радушно.

Лишь бѣдну Милану судьба обрекла
Не видѣться болѣе съ другомъ!
Она всю Дружину пять разъ обошла
Съ крайнымъ сердѣчнымъ недугомъ:
Спросила у многихъ, не знаетъ ли кто
О миломъ хоть вѣсточки малой?
Но всѣхъ былъ отвѣтъ ей — «не знаемъ про то
Не згибъ ли твой витязь удалой?!»

Вотъ минулъ Милану весь рапниковъ сшрой;
А милаго нѣтъ, и не будетъ!
Погибла надежда! — съ унылой душой
Красавица плачетъ и спонетъ:
И черные волосы рветъ на себѣ;
Отчаянье разумъ мѣшаетъ;
Катается въ прахѣ она на землѣ;
Изступленнымъ взоромъ сверкаетъ!

Мать нѣжная бросилась опромешь къ ней;
«О Боже! помилуй несчастну!
Въ какой, дишя милое, днесь шы бѣдѣ?»
И къ сердцу прижала Милану.
«Родимая! минуло все для меня!
«Свѣтъ Божій не милъ ужъ Миланѣ!
«Создатель не милостивъ! брошена я!
«О горе мнѣ! радосшь въ могилѣ!» —

»О Боже, помилуй! будь милосшивъ къ намъ!
Дочь милая! Дочь, помолися!
Создателя воля полезная намъ:
Къ создашелю шы обрашися!« —
«Родимая! пщешна надежда сія!
«Немилосшивъ Богъ!.. все погибло!
«Съ шеплою вѣрой не молилась ли я?!
«Но горе лишь злое посшигло!»

«О Боже, помилуй! кто знаетъ отца,
Тотъ знаетъ, помощникъ онъ дѣтямъ:
Пріими святыхъ таинъ, покайся, душа!
Его покоряйся велѣньямъ!
Слегчишь свое горе!» — «Родимая, нѣтъ!
«Ужъ горе мое безконечно!
«И тайны Христовы жизнь не возвратятъ!
«Усопшему все безвозвратно!»

«Но если, дружечикъ! Измѣнникъ Полканъ,
«Въ далекихъ Литовскихъ предѣлахъ,
«Отвергнувши праотцевъ вѣру и санъ,
«Въ любовныхъ томится оковахъ?
«Забудь его, милая; новый вѣнецъ
«Достойнѣйшій сыщется вскорѣ;
«Его же приблизится когда конецъ,
«Измѣна прибавитъ укорѣ.»

«Родимая, внемли! потеряно все!
«Потеряно ужъ не воротишь!
«Смерть, вѣрная смерть, есть желанье мое!..
«Скорѣе! почто же ты медлишь?!...
«Померкни, свѣтъ жизни, померкни во вѣкъ!
«Погибни во мракѣ кромѣшномъ!
«Жестокій Создатель! почто Ты обрекъ
«Терзаться мнѣ въ горѣ сердѣчномъ!»

«О, праведный Боже! не внидешь ты въ судъ
Со немощнымъ твоимъ твореньемъ!
Не знаешь, что молвишь; къ ней милостивъ
будь!
Исправь своимъ долготерпѣньемъ!
О, дочь моя! земное горе забудь!
И вспомни о вѣчномъ блаженствѣ!
Строптивыхъ караешь Божественный судъ!
Покорнымъ же доля въ эдемѣ!»

«Родная! что значишь блаженство души!
«Что значатъ мученія ада!
«Быть вмѣстѣ съ Полканомъ, блаженство
души!
«Съ нимъ розно быть, къ раю преграда!
«Померкни свѣтъ жизни, померкни во вѣкъ!
«Погибни во мракѣ кромѣчномъ!
«И счастье земное, и счастье во Вѣкъ
«Ищу я лишь въ другѣ сердѣчномъ!»

Отчаянье люотое такъ разлилось
Въ жилахъ и мозгѣ у дѣвы;
И дерзкимъ укоромъ все отозвалось
Надъ промысломъ-Божьимъ безъ мѣры!
И грудь разтерзала, Милана, свою
И руки ломала, доколѣ
Днѣвное свѣтило зашло за черту
Преградную взору въ полѣ.

Златыми звѣздами покрышъ небосклонъ;
Все тихо. . . Милана очнулась!
«А, можетъ быть, точно въ живыхъ еще онъ?»
И въ избу свою ворошилась.
Съ шаткой надеждой въ свѣтлицу вошла,
И съ грустною думой присѣла:
Молиться же Богу мысль ей не пришла;
На образъ она не глядѣла.

Вдругъ слышитъ,... по улицѣ кто-то скокъ, скокъ,
Торопится скокомъ, налётомъ;
Съ коня соскочилъ у крылечка ѣздокъ;
Къ свѣтлицѣ идетъ самолётомъ.
Онъ стукнулъ тихонько, условнымъ толчкомъ;
Милана вздрогнула пріятно:
Ей слышится голосъ ... ей голосъ знакóмъ;
Другъ милый гласитъ уже внятно:

«Скорѣе, голубушка, мнѣ отопри!
Что, спишь ли, мой другъ, или рвешься?
И прежню любовь сохранила ли ты?
И плачешь ли, или смѣешься?«
«Ахъ! ты? мой Полканъ? что такъ поздно въ ночи?
«Я бдѣла, и слезъ проливала!
«Ахъ! горьки кручины мой духъ извели!...
«Теперь вся кручина опнала.

«Скажи же, отъ куда ко мнѣ ты примчалъ?
«Что́ было съ тобою до селѣ?
«Отъ рашниковъ нашихъ за чѣмъ ты отсталъ?
«Иль сбился съ дороги ты въ полѣ?» . . .
«Коней мы сѣдлаемъ, лишь полночь пробьетъ:
Лишву я сегодня оставилъ;
Срокъ данъ мнѣ прекрашкій; тамъ рокъ меня ждетъ;
Сюда я стопы лишь направилъ;

Тебя, друга милаго, взять мнѣ съ собой;
Не трать же ты время напрасно́;
Взмахнись на коня, и поѣдемъ со мной;
Опоздывать, право опасно!«
«Но прежде, мой милый, въ свѣтлицу взойди;
«Въ объятьяхъ моихъ ты согрѣйся!
«Слышь! Вѣтеръ бушуетъ; до у́тра пожди;...
«Дѣвицѣ трусливой не смѣйся!»

«Пусть вѣтеръ бушуетъ, кустарникъ крушитъ!
Пусть пѣшится грозно на волѣ!
Ужъ конь съ нетерпѣнья копытомъ стучитъ;
Здѣсь медлить не смѣю я долѣ:
Взмахнись на коня, и усядься за мной;
Сегодня сто миль намъ проѣхать;
И къ брачному ложу я долженъ съ тобой
Ужъ къ вечеру вѣрно доѣхать!»

«Не ужель такъ скоро сей путь совершишь,
«Намъ къ брачному ложу спѣшивши?
«Послушай! вѣдь колоколъ еще гудишъ;
«Двѣнадцатый часъ лишь пробившій.«
«Луна ярко свѣтитъ; не бойсь ничего!
Мы — съ мертвыми, скачемъ отмѣнно!
Побьюсь объ закладъ, что сегодня еще
Домчимся съ тобой непремѣнно!»

«Скажи же, мой милый! гдѣ твое жилье?
«Гдѣ, какъ наше брачное ложе?» —
«Далеко отъ сюда, укромно, свѣжо,
Шесть досток, съ досечками тоже.»
«Для меня есть мѣсто?» — «Обѣимъ просторъ:
Взмахнись на коня воронова!
Ждутъ брачные гости, ликующихъ хоръ;
Всѣ ждутъ жениха молодова.« —

И красная дѣвица, стыдъ позабывъ,
Тотчасъ на конѣ очутилась;
И бѣлыми ручками вплоть обхвативъ
Любовника, къ нему привилась.
И скокомъ, налётомъ, во всю конску прыть,
Помчались друзья безъ оглядки;
Какъ будьто боялись догнанными быть,
Летѣли чрезъ пашни и грядки.

И конь вороной, и всадники, духъ
Съ трудо́мъ только переводили;
Удары копытъ по каменьямъ, бухъ, бухъ,
По воздуху искры клубили.
И съ права, и съ лѣва, мѣлькались глазамъ
Заборы, поляне и рощи;
И громовой зыбъ грохоталъ по мостамъ,
Тревожа спокойствіе нощи.

«Милана! дрожишь?... Ярко свѣтитъ Луна;
Ура! Мертвецы прытко скачутъ!
Боишься ли мертвыхъ?» — «Ахъ! нѣтъ... но
душа!
«За чѣмъ же струну сію тронешь?!« —
Что слышно въ близи?.. кажись пѣнье и
звонъ?
И вороновъ разшевелили?
Слышь! звонъ погребальный! а пѣнье какъ
стонъ!
«Землѣ предадимъ трупъ остылый!» —

И вотъ ужъ печальный приблизился ходъ;
Несли черный гробъ на раме́нахъ!
И лики казались, что пѣлъ сей народъ,
Какъ кваканье жабъ въ болотахъ!
«За полночь успѣеше похоронишь
Усопшаго съ благоговѣньемъ!
Теперь же вы должны за мной поспѣшишь,
И слѣдовашь моимъ велѣньямъ!

Невѣсту младую везу я въ мой домъ;
Діаконъ, явися ты съ хоромъ!
И брачные лики, обычный псаломъ,
Горлань громогласнымъ напоромъ!
Священникъ! послѣдуй за нами и ты!
И прежде, чѣмъ брачное ложе
Насъ пріймешъ, вѣнчай насъ, и благослови!
А шамъ ужъ — помилуй насъ Боже!»

И тотчасъ умолкли, и пѣнье, и звонъ;
Исчезъ черный гробъ во мгновеньи!
Видѣнье, казалось, зловѣщій лишь сонъ,
Тревожившій воображенье.
Велѣньямъ Полкана послушными быть
Поощрился всѣ безъ замяшки;
И скокомъ, налётомъ, во всю конску прыть
Помчалися вслѣдъ безъ оглядки.

И борзые кони, и всадники, духъ
Съ трудо́мъ только переводили;
Удары копытъ по каменьямъ, бухъ, бухъ,
По воздуху искры клубили!
И съ права, и съ лѣва, казалось, летятъ
Кустарники, горы и до́лы;
Селенія, грады, мѣстѣчки вертятъ
Быстрыной разстроенны взоры.

«Милана! трепещешь?.. Ночною порой
Ура! Мертвецы прытко скачутъ!
Боишься ли мертвыхъ?» — «Ахъ.! мертвыхъ
покой
«Не должно намъ грѣшникамъ тронуть!»
Что видно при лунномъ просвѣтѣ въ близи!..
На лобной площадкѣ кружатся
Воздушныя тѣни! вертятся въ тиши,
Вкругъ лобнаго мѣста толпятся!

«За мною, несися, воздушный народъ!
За мною поскачешь ты тоже!
Пропляшешь ты свадебный намъ хороводъ,
Предъ всходомъ на брачное ложе!»
Вотъ збродъ по пятамъ, сей понесся, шу, шу!
И съ шелестомъ вслѣдъ напираетъ;
Казалось, какъ листомъ засохшимъ въ лѣсу
Разъяренный вихръ играетъ.

И борзые кони, и всадники, духъ
Съ трудомъ только переводили;
Удары копытъ по каменьямъ, бухъ, бухъ,
По воздуху искры клубили!
И быстро летѣло, теряясь въ дали,
Луною, что вкругъ освѣщалось.
И небо, и звѣзды летали!... Смотри,
Во взорахъ, какъ все измѣнялось! —

«Милана! дрожишь?... Ярко свѣтитъ луна!
Ура! Мертвецы лихо скачутъ!
Боишься ли мертвыхъ?»... «Ахъ! горе! бѣда!
«Не тронь мертвецовъ!.. Пусть не слышутъ!»...
«Конь! Конь вороной! мнѣ кажись ужъ кричитъ
Пѣшухъ, возвѣстя часъ урочный!?...
Въ часахъ уже скоро песокъ весь сбѣжитъ;
Ужъ близокъ нашъ уголъ упрочный!

Конь! Конь удало́й! торопись по скорѣй!
Я утренный воздухъ ужъ чую!
Вотъ скоро доскачемъ, пускайся быстрѣй!
Невѣсту веземъ прелихую!..
Домчались!... Окончанъ, Милана! нашъ путь!
Вскрывается брачное ложе!
Быстро́ духи скачутъ!.. Пора отдохнуть!
Помилуй насъ грѣшниковъ, Боже!..»

И быстро къ чугуннымъ врагамъ понеслись;
Хлыстомъ нашъ Полканъ лишь ударилъ,
Запоры слетѣли, врата разверзлись;
Храмъ Божій предъ ними печальный!...
Влетѣли въ ограду; ихъ путь по гробамъ;
Мелькаются въ лунномъ просвѣтѣ,
Надгробные камни; кресты по мѣстамъ
Предстали имъ въ мертвомъ привѣтѣ!

Увы! посмотри, какой ужасъ насталъ!
Чудесно страшно́е явленье!
Съ милаго панцырь кусками ошпалъ,
Доспѣхи свалились какъ шлѣнье!
Глава обратилася въ черепъ сухой;
Остовомъ красивое шѣло!
И сталъ мертвецомъ нашъ уда́лой герой;
Движенье въ немъ все онѣмѣло!

На ды́бы поднялся шутъ конь вороной,
Зафыркавши дикимъ онъ ржаньемъ!
И огненны брызги металъ онъ рѣкой
Ноздрями, громки́мъ клокотаньемъ!
И вдругъ подъ Миланой разверзлась земля!
Исчезло все, вмигъ провалилось!
Вопъ на небѣ страшно завыла толпа!
Невидимо все суетилось.

Въ подземной заслышанъ былъ жалобный стонъ!
Милана всемъ сердцемъ дрожала!
Межъ жизни и смерши, природы законъ
Возчувствовавъ, вся трепетала!
Но вопъ ужъ, собравшись пустились плясать,
При лунномъ, блѣднѣющемъ свѣтѣ,
Духи́ хороводъ, и начавъ ликовать,
Завыли о вѣчномъ завѣтѣ:

« Терпѣнье, несчастная жертва! терпи!
«Хошябъ раздиралося сердце!
«Творца шы вселенной на судъ не зови!
«Судъ страшнымъ шебѣжъ отзовется!
«Ошъ бреннаго шѣла избавлена шы!
«Землѣ предадушъ все земное!
«А душу помилуй Богъ на небѣси!
«Все Божье велѣнье святое!» —

Б. Александръ Б.

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

THE LIBRARY OF CONGRESS

LIBRARY OF CONGRESS
0002329350A